

R E C E N Z J E

Лев Бердников: *Русский Галантный век в лицах и сюжетах: в 2 кн.*
Montreal: Accent Graphics Communications 2013, кн. 1 — 460 с., кн. 2 — 320 с.

В 2013 канадское издательство Accent Graphics Communications выпустило в свет двухтомник известного историка культуры, архивиста, писателя Льва Бердникова — *Русский Галантный век в лицах и сюжетах*.

На протяжении многих лет автор кропотливо исследует русский XVIII век в аспекте становления и развития новой культуры, обусловленной реформами Петра I. Им изучена огромная научная, популярная, художественная литература (библиография включает около пятисот позиций на русском и иностранных языках), написано множество разнообразных очерков о знаменитых, малоизвестных, а порой забытых или вовсе неизвестных персонажах, определявших в свое время лицо новой «Российской Европы». Эти очерки публиковали самые популярные американские, европейские и российские журналы, поскольку они пользовались неизменной популярностью среди читателей.

Теперь розыскания писателя относительно русского XVIII века, собранные вместе, дополненные и уточненные, составили весьма внушительный труд, достойный самого пристального внимания как специалистов по истории русской культуры XVIII века, которых интересуют факты, документы, то или иное историческое лицо или событие и характер их строго научного осмысления, так и обыкновенных читателей, которых привлекает изобразительность, живая образность, а также сюжетика, обретающая под пером Бердникова нередко остро приключенческий характер.

Героями двухтомника выступают императоры и императрицы, их фавориты и шуты, любовники и любовницы, вельможи, государственные деятели, частные лица. Здесь живут, действуют, влюбляются, интригуют, изменяют, пособничают, обличают, пытаются, а порой и казнят неугодных *царственные особы*: Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II и Павел I; здесь вольготно обитают как *иностранцы*: Франц Лефорт, Анна Монс, Виллим Монс, Антон Дивьер, Бурхард Христофор Миних, Рейнгольд Густав Левенвольде, так и россияне: Петр Шереметьев, Петр Толстой, Матвей Гагарин, Александр Меншиков, Иван Долгоруков, Иван Шувалов, Алексей Разумовский, а также Пимен Лялин, Никита Возжинский, Василий Чулков и многие, многие другие. При этом автор не просто описывает своих героев, очерчивает круг событий, в которых они принимали участие, определяет их роль в становлении новой русской культуры, но и обязательно тонко, деликатно и вместе с тем вполне определенно выражает свою точку зрения, не всегда совпадающую с общепринятой.

* * *

На мой взгляд, очень удачна глава, открывающая книгу: *По имени Великий. Василий Голицын*. Хронологически это предверие Русского Галантного века, а по существу его истинное начало. Фигура Василия Васильевича Голицына, с одной стороны, стоит

особняком, а с другой, удивительно вписывается в новое время. Бердников, опираясь на свидетельства современников, исследования историков, собственные наблюдения, позиционирует Голицына как «исключительно талантливого государственника, дипломата и реформатора» (с. 8), чьи способности наиболее ярко раскрылись в период регентства Софьи Алексеевны, когда Голицын не только фактически возглавил правительство России, но и предпринял ряд существенных реформ, которые во многом предвещали будущие петровские. Только, в отличие от Петра, «не гнушавшегося кнутом и дыбой», Голицын стремился к осуществлению преобразований «мирно, органично, ненасильственно» (с. 18). Блестящее образование, широкий политический кругозор, тяга к католицизму, знание языков (греческий, латинский, немецкий, польский), позволявшее свободно общаться с иностранцами, роскошный, обустроенный по европейскому образцу дом, снискали князю славу западника. По словам Бердникова, Голицын — галломан (собрал богатейшую библиотеку на русском и иностранных языках) и модник (одним из первых облачился в европейское, в частности, польское платье), его гардероб «включал в себя более ста костюмов из драгоценных тканей, украшенных алмазами, рубинами, изумрудами, закатанных золотым и серебряным шитьём. Его боярская шапка из редкого «красного» соболя стоила более десяти тысяч червонцев» (с. 14). Однако именно усилиями этого князя-модника в 1686 г. был заключен столь долгожданный и необходимый для России «вечный мир» с Польшей, окончательно закрепивший за Русским царством Левобережную Украину вместе с Киевом и рядом других городов. Речь Посполитая получала за это 146 тысяч рублей компенсации. Россия же обязывалась по договору вступить в антитурецкую Священную Лигу, а также предпринять военный поход против Крымского ханства. Как известно, был осуществлен не один, а два крымских похода (1687, 1689). Оба по требованию Софьи возглавил Василий Голицын, но плохо подготовленные походы оказались неудачными, репутация Голицына как главнокомандующего была подорвана. Главное же состояло в том, что в 1689 г. царевна утратила власть и по воле семнадцатилетнего Петра I подверглась заточению в Новодевичьем монастыре. Князь же был обвинен в огромных убытках, которые понесло государство в период бездарных крымских походов, в результате лишен боярства, имущества, сослан с семьей на север, где жил в крайней бедности.

* * *

Традиционно понятия «галантный век», «галантная культура» и связанные с ними фаворитизм, куртуазность, гедонизм, рафинированность, театральность, а главное — совершенно особые формы отношений между мужчиной и женщиной, развившиеся в высших слоях общества, связываются, как правило, с эпохой правления французского короля Людовика XV (1715–1774). Льву Бердникову удалось убедительно показать, что понятие «галантный век» вполне применимо и к русскому XVIII в. Стремительная насильственная европеизация за короткий период времени, действительно, сформировала в России совершенно новый культурно-исторический тип, для которого были характерны тяга к просвещению и образованию, интерес к заграничье, общение с иностранцами, изысканные манеры, куртуазное поведение, эротизм, чувственность, чувствительность, деликатность. На российской исторической арене появился, как пишет автор, «культурный человек», «политичный кавалер», «цивилизованный гражданин», которому присущи «ученость, военная доблесть, преданность идее общего блага, бескорыстие, галантность» (с. 50). Таковым хотел видеть русского человека Петр I, являющийся, безусловно, сквозным героем монографии, так как его образ в большей или в меньшей

мере присутствует почти в каждой главе, с ним сравниваются/противопоставляются многие персонажи книги. В обрисовке Петра Бердников стремится к максимальному разнообразию, уходя от однозначных традиционных штампов. Каким же предстает Петр? Само собой разумеется, в книге присутствует образ царя-реформатора, преобразователя, вечного работника на троне, революционера, поднявшего Россию на дыбы, чтобы, наконец, отстала Русь начала «перенимать опыт и мудрость у просвещенного и цивилизованного Запада» (с. 49). Есть здесь и Петр деспотичный, неуравновешенный, лживый, мстительный, жесткий, безжалостно и беспощадно уничтожающий тех, кого считал врагами (будь то стрельцы или собственный сын царевич Алексей). Но вот удалось ли русскому царю стать почитателем мод, роскоши и галантным кавалером? Судя по наблюдениям автора, нет. В одежде Петр был приверженцем «строгого и простого военного стиля, ценил функциональность и не терпел украшательства» (с.52). Что касается взаимоотношений с женщинами, то «нежный язык чувств» русскому монарху был абсолютно чужд: «в делах любви он действовал грубо и напористо; за любовь платил деньгами и подарками [...] не умел и не желал сдерживать свои порывы, стремился овладеть буквально каждой женщиной, которая пришлась ему по вкусу», не исключая жен собственных подданных или даже родственниц (с. 147–148), измен не прощал никогда. Свою супругу Екатерину I «он любил любовью собственника — как любят лошадь или собаку: можно приласкать, а можно и отстегать» (с.141), безгранично ей доверял. Когда внезапно открылось, что Екатерина длительное время изменяла ему с камергером Виллимом Монсом, гнев монарха был неистов. Екатерина любовную связь категорически отрицала. Монс, боясь пыток, готов был все признать. Однако Петр, не желая прослыть рогоносцем, в качестве «вины» предъявил незадачливому камергеру не адюльтер, а непомерное взяточничество (от обличителей Монса среди жителей Петербурга не было отбоя). Незадачливый возлюбленный императрицы после скорого суда был обезглавлен. Петр потерял доверие к «свет-Екатериனுшке», измена ускорила его кончину. Чем же привлек Екатерину Монс? Как считает Бердников, в отличие от Петра, которому была присуща «грубоватая фамильярность, приправленная циничными шутками», изощренный модник-камергер покорила императрицу «рыцарским почитанием ее как прекрасной дамы-повелительницы» (с. 141), которой поэт-дилетант посвящал сентиментальные вирши, томные элегии, нежные романсы. Именно Монс оказался тем галантным кавалером, в поведении которого проявлялись куртуазность, чувственность, деликатность.

В связи с Екатериной I хочу обратить внимание на еще один сюжет, получивший развитие в монографии. После смерти Петра императрица безудержно предавалась всевозможным удовольствиям, утопая в вине, «повседневных пиршествах и роскошах», проявляя «неукротимую любовь к мужскому полу, особенно к щеголям» (с. 143). Среди видных щеголей при российском дворе тогда оказался и молодой красавец-поляк Петр Сапега. Предыстория здесь такова. В 1720 польский граф Ян Казимир Сапега и Александр Меншиков задумали заключить брак между своими детьми — Петром Сапегой и Марией Меншиковой. Княжна Мария выросла в неимоверной роскоши, была хороша собой, умна, получила прекрасное образование: знала языки, умела танцевать, поддерживать светский разговор. Молодой граф, прибыв в Санкт-Петербург, все свободное время проводил у Меншиковых. Мария в него влюбилась. Сватовства пришлось ждать почти пять лет пока Марии не исполнилось пятнадцать лет. В 1726, наконец, состоялся сговор Марии и Петра, на котором присутствовала сама Екатерина I, вручившая жениху и невесте два драгоценных перстня, которыми они обменялись. Далее оказалось, что сорокадвухлетняя императрица позавидовала юной Меншиковой. Петр Сапега стал фаворитом Екатерины, она щедро осыпала юношу подарками, а затем женила его на своей племяннице Софье Скавронской.

* * *

Автор не затушевывает, а наоборот, выявляет те необычайные противоречия, которые были присущи Русскому Галантному веку, когда процесс европеизации сопровождался нередко нелепыми курьезами, жутким шутовством, всевозможными кощунствами, необузданным деспотизмом. При этом речь может идти не обязательно о политической борьбе, а всего лишь о первенстве в моде, в роскоши, в любви...

Так, боголюбивая «дщерь Петрова» — Елизавета, став самодержицей, незамедлительно и «по-домашнему» расправилась с соперницей — красавицей и модницей Натальей Лопухиной только за то, что та осмелилась появиться на балу в наряде того же цвета, что и сама «венценосная щеголиха»; своевольница (статс-дама, старше Елизаветы на 10 лет) была поставлена на колени и прилюдно отхлестана по щекам. И впоследствии Лопухины не остались вне внимания Елизаветы, был сфабрикован некий мифический «заговор» — «лопухинское дело», в результате жестоко пострадало все семейство и иные невинные люди. Что же касается самой Натальи Федоровны, то она, согласно монаршьему указу, была приговорена к битью кнутом на эшафоте, вырезанию языка, конфискации имущества и ссылке в Сибирь (с. 306).

Конечно, не всех своих героев автор ценит в равной степени, но абсолютно каждого старается понять и надлежащим образом объяснить. И в данном случае он усматривает в поведении Елизаветы не просто дурной характер, а влияние матери: «стремление закрепить (законодательно!) собственную привилегию быть моднее и элегантнее прочих восходит к [...] провозглашенному стареющей Екатериной запрету носить статс-дамам драгоценности и золотканное платье» (с. 296–297).

Обращает на себя внимание специфическая манера повествования Бердникова: умело сочетая самый строгий документализм с элементами художественности, он нигде не настаивает на своей точке зрения как единственно верной, он увлекательно, опираясь на факты, мнения ученых и художников слова, с разных сторон показывает своих героев, добываясь таким образом объемной объективности, которая и становится доминантой его книги. При этом, автор отказался от эмоциональной нейтральности: он окрашивает героев своими чувствами: восхищается, негодует, иронизирует, и, таким образом, приближает давно прошедшее современному читателю.

Я отметила в этой рецензии лишь малую толику из того, что имеется в двухтомнике. Надеюсь, что его читатель сумеет по достоинству оценить как разнообразие представленных лиц и сюжетов, так и оригинальность авторских подходов к ним.

Ludmila Łucewicz

К.Н. Дубровина: *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*.
Москва: Изд. ФЛИНТА: Наука 2012, 264 сс.

Nakładem wydawnictwa «ФЛИНТА: Наука» ukazała się monografia moskiewskiej autorki Kiry Dubrowiny *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*, poświęcona frazeologii biblijnej oraz biblizmom — wyrazom, które autorka rozpatruje nie tylko przez pryzmat języka i kultury rosyjskiej, ale także w szerszym europejskim kontekście.

We *Wstępie* autorka wprowadza czytelnika w problematykę monografii, formułuje definicję frazeologizmu biblijnego i biblizmu, w zwięzłej formie relacjonuje historię tłumaczenia Biblii na język rosyjski, podkreśla potrzebę znajomości Pisma Świętego dla pojmowania szeroko rozumianej kultury europejskiej oraz obcowania z jej wytworami. Nakreśla także obecny status frazeologii biblijnej w języku rosyjskim, akcentując odrzucenie Biblii i badań

nad nią zgodnie z duchem obowiązującej ideologii ateistycznej w Rosji Radzieckiej oraz renesans zainteresowania tą problematyką od okresu *pierestrojki*.

W rozdziale pierwszym *Как понимать библейские обороты* znajdziemy wyjaśnienie, że większość frazeologizmów biblijnych posiada znaczenie przenośne — metaforyczne (np. *мерить той же мерою, скрежетать зубами*), symboliczne (np. *масличная ветвь, манна небесная*) bądź alegoryczne (np. *блудный сын*). Podkreśla przy tym, że znaczenia te niejednokrotnie nakładają się na siebie, uniemożliwiając ich jednoznaczne rozróżnienie i przyporządkowanie do jednej z wymienionych grup, jak np. w przypadku biblijnego frazeologizmu *неопалимая купина*.

Rozdział drugi *О времени, способах и особенностях образования библейских фразеологизмов* zawiera próbę klasyfikacji frazeologii biblijnej ze względu na ich genezę. Autorka wyróżnia frazeologizmy prebiblijne — przede wszystkim o charakterze przysłów, powiedzeń i aforyzmów, funkcjonujące jeszcze przed powstaniem Pisma Świętego i spotykane w literaturze starożytnej Grecji i Rzymu (np. *Не рой другому яму, сам в нее падешь*). Do drugiej grupy zalicza frazeologizmy biblijne właściwe, których metaforyzacja dokonuje się bezpośrednio w Biblii (np. *соль земли, метать бисер перед свиньями*). Natomiast trzecią grupę stanowią wyrażenia, które w Piśmie Świętym funkcjonują w znaczeniu dosłownym, zaś znaczenie metaforyczne i status frazeologizmów uzyskały już poza Biblią, tj. w poszczególnych językach narodowych (np. *козёл отпущения, избивание младенцев*). Zostały one określone mianem frazeologizmów postbiblijnych. Autorka zaznacza jednakże, że jest to klasyfikacja dalece umowna, która służyć ma jedynie lepszemu zrozumieniu frazeologizmów biblijnych, ich genezy i funkcji w języku współczesnym.

Oprócz wskazanych trzech podstawowych grup frazeologizmów biblijnych Dubrowina wyróżnia także: 1) frazeologizmy, które bezpośrednio w Biblii nie występują, jednak powstały na bazie biblijnych obrazów czy motywów (np. *валамова ослица, Соломоново решение*); 2) zapożyczenia i kalki frazeologiczne z innych języków europejskich (np. *башия из слоновой кости*); 3) frazeologizmy biblijne związane z obrazami i motywami biblijnymi w sposób pośredni, powstałe na gruncie specyficznego zjawiska społecznego lub faktu historycznego, a zatem zawierające w sobie wyraźny pierwiastek narodowy (np. ros. *петь Лазаря*); 4) modyfikacje frazeologizmów biblijnych na gruncie kultury ludowej (np. *Что дом, то содом; что двор, то гомор; что улица, то блудница*).

W rozdziale trzecim *От Библии до библейских фразеологизмов русского языка, или жизнь на чужбине* autorka analizuje frazeologizmy biblijne we współczesnym języku rosyjskim. Zwraca szczególną uwagę na sposoby ich funkcjonowania oraz zmiany w obrębie ich semantyki (w zestawieniu z biblijnymi prototypami), zachodzące pod wpływem czynników społecznych, historycznych, politycznych i ideologicznych. W kontekście transformacji i innowacji frazeologizmów biblijnych poruszone zostają m.in. takie zagadnienia, jak zmiana zabarwienia emocjonalnego i stylistycznego, desakralizacja czy też wykorzystanie wyrażeń o rodowodzie biblijnym w charakterze hasła ideologicznego w okresie radzieckim.

Rozdział czwarty *Такая вот история с географией, или комментарии к библейским фразеологизмам*, jak zapowiada tytuł, zawiera komentarz geograficzno-historyczny dotyczący dwóch popularnych frazeologizmów biblijnych: *земля обетованная* i *Содом и Гоморра*.

Kolejny rozdział zatytułowany został *Русские и иноязычные библейские фразеологизмы. Их сходства и различия*. Dubrowina zwraca tu uwagę na znaczące podobieństwa między frazeologizmami biblijnymi funkcjonującymi w różnych językach, uzasadniając je przede wszystkim wspólnym źródłem jakim jest Biblia, oraz zbliżoną skalą wartości w kulturach narodów chrześcijańskich (np. ros. *запечный плод*, franc. *le fruit defendu*, hiszp. *fruto prohibido*, ang. *forbidden fruit* czyli polski *owoc zakazany*). Wprowadza również termin „biblem” (ros. библиема) na określenie funkcjonujących w różnych językach i kulturach,

uniwersaliów językowych o proveniencji biblijnej. Pod pojęciem tym należy rozumieć pewne uogólnione abstrakcyjne znaczenie, odwołujące się do jakiegoś obrazu lub wątku biblijnego, wspólne dla języków wszystkich narodów, związanych z religią chrześcijańską (np. *Judasz — zdrada, Łazarz — bieda i choroba*).

Znacznie jednak więcej uwagi aniżeli ekwiwalentom międzyjęzykowym poświęca autorka różnicom w obrębie frazeologii biblijnej w językach europejskich, w tym m.in. międzyjęzykowej lakunarności. Zwraca również uwagę na archaiczne zabarwienie wielu rosyjskich frazeologizmów biblijnych, uwarunkowane ich przenikaniem do języka ze staro-cerkowno-słowiańskiego przekładu Biblii.

Rozdział szósty poświęcony jest związkom frazeologii biblijnej z literaturą rosyjską, które autorka rozpatruje w kilku aspektach: 1) frazeologizmy biblijne wykorzystane w tytułach utworów literackich, 2) frazeologizmy biblijne, które uzyskały status skrzydlatych wyrażen dzięki wybitnym pisarzom, 3) frazeologia biblijna w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich oraz 4) frazeologizmy biblijne we współczesnych środkach masowego przekazu.

Rozdziały siódmy (*Библейская фразеология и изобразительное искусство*) i ósmy (*Библеизмы и музыкальная культура*) traktują o dziełach sztuk plastycznych i utworach muzycznych inspirowanych Biblią oraz wzajemnym oddziaływaniu i przenikaniu frazeologii biblijnej do różnych dziedzin sztuki, zarówno na gruncie rosyjskim, jak i europejskim.

Całości dopełnia zakończenie o charakterze podsumowującym, bibliografia oraz wykaz skrótów i pełnych tytułów ksiąg Starego i Nowego Testamentu.

Na uznanie zasługuje fakt, iż wszystkie przywoływane w monografii frazeologizmy biblijne opatrzone zostały obszernym komentarzem, zawierającym niezbędną notę historyczną, interpretację, odwołania do konkretnych ksiąg Pisma Świętego oraz stosowne cytaty.

Popularnonaukowy charakter prezentowanej publikacji, wielka pasja badawcza, z jaką została napisana, oraz przystępny styl sprawiają, że można ją rekomendować nie tylko wąskiej grupie specjalistów, ale również szerokiemu gronu odbiorców zainteresowanych historią języka rosyjskiego oraz pragnących poszerzyć swoją wiedzę o miejscu i roli frazeologii biblijnej we współczesnej kulturze rosyjskiej i europejskiej.

Aleksandra Urban-Podolan